

Анна Феликсовна ЛИТВИНА

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)
annalitvina@gmail.com*

Федор Борисович УСПЕНСКИЙ

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)
ffodor.uspenskiy@gmail.com*

**Память и похвала:
дейктические и антропонимические причуды
коммеморативных текстов**

Разнообразные поминальные, погребальные и коммеморативные надписи на камне и на металле, являют собой один из самых древних и информативных — в силу своей аутентичности — источников. Они никогда не были обойдены вниманием исследователей, но при этом вновь и вновь обеспечивают нас не только конкретными языковыми данными, но материалом для более общих наблюдений и соображений лингвистического характера. Ниже мы хотели бы обратить внимание на некоторые функции наличия / отсутствия определенных хронологических и ономастических координат, которые связаны с дейксисом в подобного рода источниках.

Разумеется, чаще всего здесь можно говорить лишь о вторичном дейксисе письменного текста, в силу естественных причин отделенного от непосредственной коммуникативной ситуации и в лучшем случае лишь имитирующим ее. Однако изредка мы сталкиваемся с некими заметными прорывами, так сказать, из диахронии в синхронию, со своеобразной путаницей временных планов, требующей от читателя текста непосредственного принятия реальности «говорящего». Чтобы продемонстрировать, что мы имеем в виду под такими прорывами, стоит напомнить, что в качестве субъекта коммуникации в надписях подобного типа обычно могут фигурировать четыре разные инстанции — поминаемый, заказчик поминовения, мастер-исполнитель и самый предмет, на котором текст нанесен (в последнем случае говорящим субъектом иногда оказывается надпись как таковая). Эти инстанции порой объединены в одном лице — человек может заказать поминальную надпись на камне по себе самом, поминающий может быть одновременно и мастером-резчиком и т. д. и т. п. Иногда голоса этих четырех инстанций слышны в рамках одного и того же текста, порой они поочередно сменяют или перебивают друг друга (ср. в это связи: [Успенский 2016: 48–69]).

На первый взгляд может показаться, что кто бы ни был условным говорящим в поминальной надписи, содержание и прагматика текста должны быть сконцентрированы вокруг фигуры поминаемого, однако на деле это далеко не всегда так. Порой это очевидно при первом же прочтении. Так, на датском руническом камне второй половины X в. (Sønder Vissing I) мы видим текст, в

котором во всех подробностях указаны имя и новое родовое положение заказчицы (хотя текст написан не от ее лица), но напрочь отсутствует имя той, память которой руническая надпись призвана увековечить:

Това дочь Мстивоя, жена Харальда Доброго сына Горма, велела сделать памятник по своей матери¹.

В средневековой скандинавской традиции, как, впрочем, и в подавляющем большинстве других, личное имя — это тот единственно необходимый, а нередко и вполне достаточный элемент текста, который обеспечивает сохранность памяти, а его отсутствие, казалось бы, делает данную задачу неосуществимой. Скорее всего, специфика датской надписи обусловлена тем, что заказавшая ее женщина по рождению не принадлежала к той культуре, в рамках которой ей пришлось действовать. Эта супруга крестителя Дании, конунга Харальда Синезубого, была дочерью славянского (ободритского) князя Мстивоя, и при этом на ее новой родине в Скандинавии значимыми были прежде всего имена ее мужа и свекра, которые заботливо запечатлены в тексте. Определенную роль играло и имя ее отца — оно, с одной стороны, подчеркивает знатность заказчицы, а с другой стороны, самый этот союз с Мстивоем, который, скорее всего, и скреплялся браком Товы и Харальда, был важен и почетен в перспективе ее датской семьи (ср.: [Успенский 2002: 29–30]).

Что произошло с именем матери Товы, сказать трудно. Быть может, она вполне искренне хотела почтить ее память по скандинавскому обычаю, но недостаточно хорошо ориентировалась в формуляре рунического поминального текста. Вполне вероятно, с другой стороны, что ономастические традиции ее родины в ту эпоху были более андроцентричны, чем традиция датская, и имя замужней женщины в семье правителя ободритов полностью поглощалось именованим ее мужа. Не исключено, наконец, что Това ставила во главу угла лишь то, что было важно для ее новой родни и новой родины, а им имя ее матери ничего не говорило. К сожалению, сейчас мы не можем определить наверняка, в чем, собственно, заключалась прагматика рунической надписи: личного имени матери нет потому, что ее фигура в действительности не важна и ее кончина — лишь повод для того, чтобы королева Дании могла заявить о себе, или, напротив, фигура матери настолько важна, что дочь стремится увековечить память о ней, хотя то пересечение культур, на котором она оказалась, не предоставляет ей адекватных средств для этого. Так или иначе, в результате последующие поколения получили рунический камень, который парадоксальным, но очевидным образом увековечивает лишь имя заказчика, но не поминаемого.

Порой подобное смещение акцента надписи с поминаемого на заказчика, на самый факт ее изготовления, осуществляется и с помощью более сложных средств, с непосредственным использованием ресурсов дейксиса. Это можно продемонстрировать на примере русской погребальной надписи первой по-

¹ tufa • IEt • kaurua • kubl|mistiuis • tutir • uft • muþur | sina • harats • hins • kuþa • kurms | kuna | sunaR [DR 1: 94–95, № 55].

ловины XVIII в., которая сама по себе содержит небольшую головоломку, останавливающую взгляд читателя. Надгробная плита, на которой была выполнена интересующая нас надпись, располагалась в московской церкви св. Николая на Столпах. Текст ее, опубликованный В. К. Клейном, выглядит следующим образом:

Лѣта 1736-го февраля 7-го числа, на память Преподобнаго Отца нашего Парфенія Епископа, преставися раба Божія, жена Стольника Стефана Афанасьевича Сабакина, вдова Александра Андрѣвна; Тезоименитство ея сего мѣсяца 18-го числа; тело Ея погребено въ исподней Церкви Николая Чудотворца, что у Столпа, въ трапезѣ противъ сей дски; а сія дска сочинена тщаніемъ зятя Господина Капитана Петра Прохоровича Скрябина, сего 1740-го года [Клейн 1905: 4, № 12].

Супруг усопшей был стольником и воеводой в Енисейске в первые годы царствования Петра, а конец XVII столетия встретил воеводой симбирским. По всей видимости, жена пережила его надолго. Большая часть сведений, содержащихся на плите, заключена во вполне традиционные для такого рода текстов формулы, нестандартность некоторых элементов объясняется особенностью локализации погребения как такового — доска находилась не непосредственно над могилой, а потому местоположение последней сочли нужным описать отдельно. Кроме того, следует, конечно же, отметить, что заказчик — зять покойной — поименован здесь весьма детализированно, что не совсем обычно для традиционных эпитафий.

Однако самым неожиданным в этом тексте оказывается способ датировки именин поминаемой. Тезоименитство, день соименного святого, на надгробиях позднего Средневековья и раннего Нового времени на Руси указывается достаточно регулярно. Собственно говоря, две эти даты — день кончины и именины — и были самыми важными в коммеморативной практике: именно в эти дни ежегодно принято было совершать поминовение усопшего, а в монастырях к ним могли приурочиваться заупокойные корма. Весь поминальный культ строился вокруг этих дней, к этим датам подгадывалась раздача разнообразных вкладов, даяний и пожертвования. Когда же, однако, было тезоименитство вдовы Собакиной?

Дата ее кончины показана совершенно определенно и точно — 7 февраля действительно празднуется память св. Парфения, епископа Лампсакийского, а следующее за ней указание даты именин как будто бы непосредственно к нему привязано: «тезоименитство ея сего мѣсяца 18-го числа». Исходя из такой датировки, можно подумать, что именины Александры Андреевны праздновались в том же месяце, когда она скончалась, т. е. в феврале. Под 18 февраля, однако, не находится ни одной святой с именем *Александра*.

Вообще говоря, такие несовпадения запечатленного в тексте имени с указанием даты тезоименитства вполне встречаются. Более того, иногда они служат весьма ценным симптомом, помогающим распознать светскую христианскую двуименность, когда в миру человек носил два календарных антропонима — один из них он получал в крещении и по нему праздновал имени-

ны, а под другим фигурировал в повседневной жизни². Однако случай со вдовой воеводы Собакина, судя по всему, был устроен иначе.

Под 18 февраля в русских святцах мы вовсе не найдем женских имен, а, соответственно, ни одна женщина не могла отмечать свои именины (тезоименитство) именно в этот день. Зато 18 число, но не февраля, а мая — это день поминовения едва ли ни самой популярной из всех святых с именем *Александра*, одной из семи дев, сомучениц св. Феодота Анкирского, и она-то, по всей вероятности, и была небесной тезкой Александры Андреевны. Стало быть, конструкция «сего мѣсяца» это отнюдь не попытка соотнести дату ее именин с датой ее кончины, а элемент непосредственно дейктический — «сей мѣсяц» это тот месяц, когда изготовлена и, так сказать, обнаружена плита с надписью. По всей видимости, это был май, время, непосредственно предшествующее именинам покойной тещи Петра Скрыбина. Еще раз обратим внимание, что объект, на который нанесена надпись, строго говоря, является не надгробием — обязательным элементом захоронения сколько-нибудь состоятельного человека, — но некоторым дополнительным почетным атрибутом, позволяющим тому, кто вошел в храм, узнать, что в более укромном месте здесь покоится вдова Собакина. Как явствует из текста, зять не сразу собрался заказать эту доску и, скорее всего, приурочил ее появление к именинам усопшей. В определенном смысле конструкция «сего мѣсяца» одновременно соответствует и не соответствует появляющейся здесь же конструкции «сего 1740-го года»: последняя сугубо описательна, а первая — наивно дейктична, она обращена к тем первым читателям, которые увидят ее вскоре после изготовления, да к тем, кто будет являться на ежегодную поминальную службу в день именин Александры Андреевны или на храмовый праздник, Николу Вешнего (9 мая).

С одной стороны, может показаться, что надпись из церкви св. Николая на Столпах в первую очередь служит напоминанием о заказчике да о самой себе, что именно изготовление плиты является центральным событием, на которое она же призывает обратить внимание. Отчасти, по-видимому, так оно и есть, но, как и с Товой, дочерью ободритского князя Мстивоя, дело обстоит несколько сложнее, и поминальный текст вступает в живые отношения со своим читателем.

ИСТОЧНИКИ

- Клейн 1905 — *Клейн В. К.* Надписи на гробницах в церкви Николая на Столпах. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1905. 10 с.
 DR — *Danmarks runeindskrifter / Udg. ved L. Jacobsen og E. Moltke under medvirkning af A. Bæksted og K. M. Nielsen.* Bd. 1–2. København: Ejnar Munksgaards Forlag, 1941–1942.

² О светской христианской двуименности в допетровской Руси см. подробнее: [Морошкин 1863: 528–529; Харузин 1899: 170–171; Лихачев 1900; Тупиков 1903: 75–76; Успенский 1996; Соловьева 2002; 2006; Литвина, Успенский 2006: 175–214; Успенский, Успенский 2017: 74–77, 108–112; Литвина, Успенский 2018а; 2018б; 2019; 2020].

ЛИТЕРАТУРА

- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 904 с.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // Средневековая Русь. Вып. 13 / Отв. ред. А. А. Горский. М.: Индрик, 2018а. С. 241–280.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Как звали думного дьяка Ивана Елеазаровича Цыплятева? (Из истории имянаречения в XVI в.) // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М.: Индрик, 2018б. С. 387–396.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции // Die Welt der Slaven. 2019. Jhrg. 64. Heft 1. С. 108–127.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры. СПб.: «Евразия», 2020. 128 с.
- Лихачев Н. П.* Двойные имена // Известия русского генеалогического общества. 1900. Вып. I. Отд. I. С. 126–128.
- Морошкин М. Я.* О личных именах у русских и славян // Известия императорского археологического общества. 1863. Т. IV. Вып. 4. С. 517–533.
- Соловьёва Т. Б.* Русская антропонимическая лексика конца 15–16 вв. // Slavica Gandensia. 2002. Vol. 29. С. 171–176.
- Соловьёва Т. Б.* К вопросу о дуальности личных имен календарного происхождения в именовании людей в России XVI–XVII вв. // Памяти Лукичева: Сборник статей по истории и источниковедению / Сост. Ю. М. Эскин. М.: Древлехранилище, 2006. С. 686–696.
- Тупиков Н. М.* Исторический очерк употребления древнерусских личных собственных имен // Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903. С. 58–86.
- Успенский Б. А.* Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. II. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 1996. С. 187–202.
- Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси / Отв. ред. Д. Г. Полонский. СПб.: Нестор-история, 2017. 344 с.
- Успенский Ф. Б.* Скандинавы – Варяги – Русь: Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2002. 456 с.
- Успенский Ф. Б.* Люди, тексты и вещи: Из истории культуры средневековой Скандинавии / Отв. ред. Ю. В. Кагарлицкий. М.: Форум-Неолит, 2016. 256 с.
- Харузин Н. Н.* К вопросу об употреблении некалендарных имен в допетровской Руси // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Т. II. Нежин, 1899. С. 150–171.